

ѣдь мой (царство
ему небесное!
чтобъ ему на
томъ свѣтѣ ѣлись

одни только буханци пше-
ничные, да маковники въ
меду!) умѣлъ чудно раз-
сказывать. Бывало, по-
ведеть рѣчь,—цѣлый день
не подвинулся бы съ мѣста
и все бы слушалъ. Ужъ
не чета какому-нибудь
нынѣшнему балагуру, ко-
торый какъ начнетъ мос-

каля везть *), да еще и языкомъ такимъ, будто ему три
дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку, да изъ хаты.
Какъ теперь помню,—покойная старуха, мать моя, была

*) Т. е. лгать.

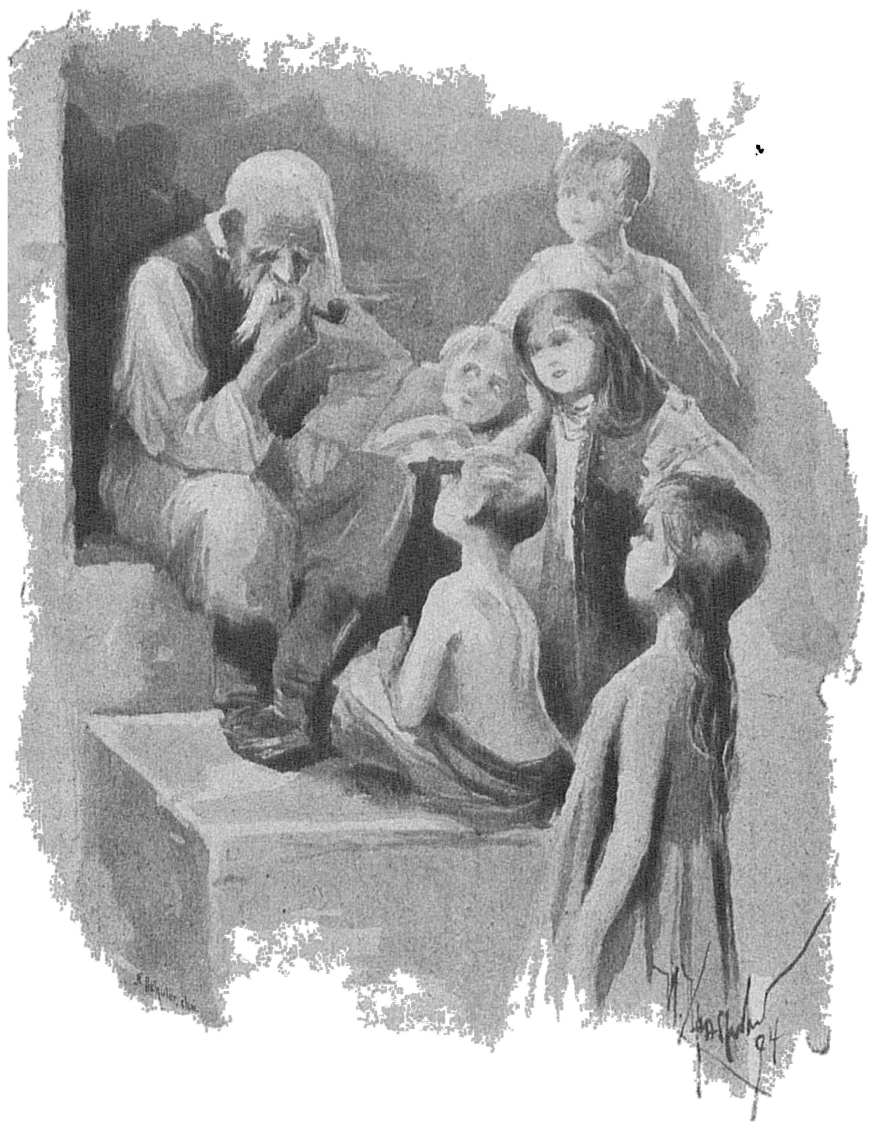
еще жива,—какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трепцалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало; а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про

Старуха, мать моя... сидѣла передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку.

ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ рассказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой забереть отъ нихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится; ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей укладся спать выходецъ съ того свѣта. И, чтобы мнѣ не довелось рассказывать этого въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшася дьявола. Но главное въ рассказахъ дѣда было то, что

въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажешь, то именно такъ и было.

...мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. (Стран. 6).

ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои найдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

Въ этомъ-то хуторѣ показывался часто человекъ, или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь—снова будто съ неба упалъ, рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понаберетъ встрѣчныхъ козачковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало,

Крымцы, ляхи, литвинство!

къ краснымъ дѣвушкамъ: надарить лентъ, серегъ, монистъ—дѣвать некуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого

бѣсовскаго человека), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтъ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять? — всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пуститъ исподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь,

Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда—и отвязаться нельзя: бросишь въ воду—плыветъ чертовскій перстень или монисто поверхъ воды. (Страл. 11).

такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, кусать за палець, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда — и отвязаться нельзя: бросишь въ воду—плыветъ чертовскій перстень,

или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святого Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлос Воскресеніе не бывалъ въ

церкви, задумалъ было пожурить его, наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ. «Слушай, паночка!» загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ: «знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею!» Чтѣ дѣлать съ окаян-

Въ селѣ была церковь.

нымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто спознается въ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода.

Отецъ Аѳанасій.

Въ томъ селѣ былъ у одного козака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ, — можетъ, оттого, что никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла и всѣми силами старалась надѣлать его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ про-

шлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и теперь на Запорожьи, былъ въ плѣну у турокъ, перетерпѣлъ мукъ, Богъ знаетъ, какихъ и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивчатамъ и молодежи мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что

у бѣднаго Петруся всего-на-все была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ злотыхъ. И это бы еще не большая бѣда, а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда рассказывала, — а женщины, сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею, — что полненькія щеки козачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росой, горитъ онъ, расприжмляеть листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черные шнурочки, какіе покупають теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ся, черные, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Эхъ! не доведи Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуія, если бы, вотъ тутъ же, не расцѣловаль ея, несмотря на то, что сѣдъ пробирается по всему старому

Дочка стараго Коржа.

лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ

Старый Коржъ.

и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другого... сами знаете, что выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ,—ну, это уже и видно, что не кто другой, какъ лукавый дернулъ, — вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпнть поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души,

въ розовыя губки козачки, и тотъ же самый лукавый,—чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!—настроилъ сдуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревянѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за неимѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ откуда ни возмись шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивасъ, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: «Тятя, тятя! не бей Петруса!» Что